

*Изящная
словесность*

*Книги Анны Берсеновой –
истории сильных чувств:*

СЕРИАЛ «ГРИНЕВЫ. КАПИТАНСКИЕ ДЕТИ»	«ТРИ ДОЧЕРИ»
Последняя Ева	Ответный темперамент
Возраст третьей любви	Игры сердца
Неравный брак	Французская жена
Ловец мелкого жемчуга	
Первый, случайный, единственный	Странная Лиза
	Портрет второй жены
	Стильная жизнь
СЕРИАЛ «СЛАБОСТИ СИЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ»	Двое в Барселоне
Слабости сильной женщины	Гадание при свечах
Ревнивая печаль	Все страсти мегаполиса
	Женщина из шелкового мира
СЕРИАЛ «ЕРМОЛОВЫ»	Рената Флори
Яблоки из чужого рая	Глашенька
Антистерва	Вангелия
Мурка, Маруся Климова	Женщины да Винчи
	Вокзал Виктория
	Героиня второго плана
«ПОДРУГИ С МАЛОЙ БРОННОЙ»	Лучшие годы Риты
Уроки зависти	Созвездие Стрельца
Опыт нелюбви	Австрийские фрукты
Этюды Черни	
«ЛЮБОВНЫЙ ФАРФОР»	
Звезда по имени Эстер	
Красавица некстати	
Азарт среднего возраста	

анна берсенева

УРОКИ ЗАВИСТИ

роман

Москва
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б51

Художественное оформление серии
П. Петрова

В оформлении использованы иллюстрации:
pimlena, Fine Art, ALEXEY GRIGOREV, JTM2017,
agrino, Mascha Tace / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Берсенева, Анна.

Б51 Уроки зависти : роман / Анна Берсенева. —
Москва : Эксмо, 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-04-096954-8

Социологам известно, что зависть — самое сильное человеческое чувство. А Люба Маланина знает это не по социологическим исследованиям — по собственной жизни. Ну как ей не завидовать всем и вся? Подруги, с которыми в одном дворе на Малой Бронной выросла, смотрят на Любу свысока. Мужчина, в которого с детства влюблена, относится к ней с обидной покровительственностью. Смириться с тем, что вся жизнь пройдет на вторых ролях, как смирилась с этим ее мама? Но Любу зависть подталкивает совсем к другому решению: полностью свою жизнь переменить. И это ей удастся! Осталось только дожидаться счастья...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096954-8

© Сотникова Т., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Ехали-ехали, как медведи, только не на велосипеде, а на серебряной машине, и все никак доехать не могли. А ведь думали, за полчаса доберутся.

— Ну, Сашка, где твое Шахматово? — спросил Федор Ильич.

— Не мое, а Блока, — ответила Александра.

— Блоку хорошо было на коне по таким дорогам скакать, а я подвеску угроблю, — заметил он.

Это было не просто резонно, а очевидно. Даже для Любы, которая про подвеску знать не знала, а только смотрела на Федора Ильича и чувствовала, как сердце ее сжимается от этого счастья — видеть его долго и близко. Так что она-то с радостью ездил бы по лугам хоть до ночи, и ночью ездил бы тоже. Но раз Федор Ильич недоволен, значит, надо найти это Шахматово поскорее.

Проселочная дорога, шедшая через прозрачный лесок, должна была бы именоваться просто бездорожьем. Ее указала продавщица из магазина, расположенного в дощатом вагончике. Вагончик стоял на перекрестке двух таких же проселочных дорог и вы-

глядел в пустынных лугах фантазмагорически — что здесь можно продавать, кому? Непонятно!

На пороге вагончика сидела толстая веснушчатая деваха с сонным взглядом и лузгала семечки. За ее спиной виднелся уставленный бутылками прилавок.

— Шахматово? А вон туда езжайте. — Продавщица лениво махнула рукой прямо в луга. — Как лесочек проедете, так оно вам и будет.

— Странный какой вагончик, — сказала Александра, когда двинулись в указанном девахой направлении. — Как будто здесь когда-то была железная дорога, и он отцепился от поезда, и его забыли в траве.

— Вечно у тебя фантазии на пустом месте. И никакой он не странный, а просто дурацкий, — сердито возразила Кира. — Идиотский. И едем мы куда-то не туда, точно.

— А ты откуда знаешь, что не туда? — спросила Люба.

— Оттуда, что в Шахматово экскурсии должны возить, — объяснила Кира. — На автобусах, надо полагать. И не только летом. А по этому раздолбайству никакой автобус не пройдет, особенно если дождь или снег.

Словно в подтверждение ее слов, машину подбросило так, что у Любы клацнули зубы, и она больно прикусила язык.

Но все-таки по всему похоже было, что едут они правильно: и на карте Шахматово было обозначено именно здесь, в этом квадрате, и таджики, кажется, единственные здешние обитатели, которых они то и дело встречали в пустынных лугах, и теперь вот продавщица, явно местная, — все указывали именно сюда.

— Смотри, какие здесь рабочие продвинутые, — заметил по поводу таджиков Саня. — По выходным, что ли, усадьбу Блока посещают?

Это было в самом деле странно, но факт: все встречные таджики указывали направление на Шахматово сразу, без запинки.

И теперь оно было уже наконец близко, оставался только вот этот прозрачный лесок, пронизанный августовским солнцем и едва заметными в густой траве тропинками.

— Позарастали стежки-дорожки, где проходили милого ножки, — оглядевшись, пропела Александра. И увлеклась, продолжила: — Позарастали мохом-травой, где мы гуляли, милый, с тобою!

Голос у нее был красоты неземной, и песня звучала задумчиво, хотя, Люба точно знала, никакой душевности в Сашке не было и помину. Она была капризная, непредсказуемая и любила на всем белом свете только себя. Но при таких чертах характера, которые не считала нужным даже скрывать, почему-то вызывала безусловную и всеобщую любовь. И добро бы у мужчин — это, учитывая Сашкину красоту, было хотя бы понятно. Но ведь и у всех живых существ, включая уличных кошек и домашних канареек, вот же в чем загадка!

— Птички-певуньи, правду скажите, весть про милого вы принесите, — легко подхватил Саня. — Где милый скрылся, где пропадает? Бедное сердце плачет-страдает!

Что собой в смысле душевности представляет этот Саня, Люба не знала: Сашка только сегодня утром привезла его на дачу и познакомила со всеми. Но вме-

сте ее звонкое сопрано и его негромкий баритон звучали с таким пронзительным чувством, что хоть зарыдай в голос. Люба, во всяком случае, и впрямь шмыгнула носом — потихоньку, конечно, чтобы никто не услышал и не заметил.

Ладно она с ее сермяжными корнями, но эти-то оба откуда такие песни знают? Если и пели за деревенской околицей какие-нибудь их предки, то очень далекие.

«Училась бы я в консе, тоже бы так умела! — сердито подумала Люба. — Что особенного?»

Но в консерватории она, в отличие от Сашки и Сани, не училась, и не на что ей было сердиться.

Прекрасные голоса вырывались в открытые окна машины, пронизывали воздух, сливались с голосами птиц, перелетающих над стежками-дорожками.

— Ну вы даете! — сказал Федор Ильич, когда песня закончилась. — Чуть не зарыдал, честное слово.

Вот он-то, в отличие от Любы, ничего в себе никогда не скрывал и не стеснялся. Одно слово, Царь.

— Ты, Царь, чем рыдать, на дорогу лучше смотри, — скомандовала Кира. — Проедем сейчас какой-нибудь поворот, вовек потом это Шахматово не найдем. Далось оно вам!

Но проехать поворот они не смогли бы, даже если бы и захотели: никаких поворотов больше не было. Выйдя из лесу, сомнительная дорога закончилась вовсе, уперевшись в дачный поселок.

Старых домов в этом поселке не было, а были только совсем новые. На многих участках дома возводились как раз сейчас, и на каждой такой стройке работали таджики.

— Не подскажите, Шахматово где? — крикнул в окно машины Федор Ильич.

— Это Шахматово! — махнув прямо вниз, крикнул ему в ответ смуглый строитель, сидящий на стропилах крыши.

— Что значит — это? — возмутилась Кира.

— Царь, узнай толком, — распорядилась Александра.

Но Федор Ильич и без ее распоряжения уже выходил из машины.

— Так и знала, что ничего не найдем, — сердилась Кира, пока он разговаривал с таджиками; никаких местных уроженцев в обозримом пространстве не наблюдалось. — А все твои фантазии дурацкие, Сашка!

— Кирка, хватит нудить, — отмахнулась Александра. — На филфаке, между прочим, ты учишься, а не я. Так что Шахматово тебя должно больше интересовать. И как мы можем его не найти, если оно на карте нарисовано? Я своими глазами карту утром смотрела, Федька подтвердит.

— По-твоему, это оно и есть? — съехидничала Кира. — Сейчас таджики позовут Александра Александровича с Любовью Дмитриевной! Смотри, не прозевай.

Саня в их беседу не вмешивался — наверное, потому что в качестве гостя готов был ехать куда везут, а Люба — потому что ждала, когда вернется Федор Ильич, и, кроме этого, ее ничего не интересовало.

— Это действительно Шахматово, — сообщил он, подойдя к машине. — Они точно знают, второй год здесь работают. Про Блока понятия не имеют.

— Бред какой-то! — фыркнула Кира.

Огляделись. Кругом простирались все те же луга. Ни души не было на просторах, которые они только что проехали насквозь. Никаких усадеб, кроме вот этих недостроенных домов, в обозримом пространстве тоже не было и помину.

Александра прошла метров пятьдесят вперед и, обойдя вокруг, прочитала надпись на стоящей у дорожки табличке, которую никто не заметил раньше.

— Точно — Шахматово! — крикнула она. — Так и написано. Можете сами посмотреть.

— Такое только у нас возможно! — Кира кипела от возмущения. — Чтобы на карте одно, а на местности совсем другое!

— Кстати, — сказал Федор Ильич, — посмотрю-ка я карту еще раз. Дома-то ее только Сашка изучала.

Он развернул на коленях карту и через три минуты сообщил:

— Это действительно Шахматово. Только не то.

— Что значит — не то? — хмыкнула Кира. — Мы что, в противоположную сторону ехали? Да хоть бы и в противоположную! Сколько Шахматовых может быть в радиусе каких-нибудь тридцати километров?

— Два, — ответил Федор Ильич. — Одно вот это, а второе, надо полагать, блоковское. На расстоянии тридцати километров друг от друга. Вот они оба, можешь убедиться. — Он протянул Кире развернутую карту. — Если бы я вчера сам внимательнее посмотрел, то оба и обнаружил бы. Не ездили бы зря.

— И что, при Блоке тоже так было? — поинтересовался Саня.

В его голосе не звучало ни малейшего удивления

тем, что почти рядом находятся два населенных пункта с одинаковыми названиями.

— При Блоке — не знаю, а теперь так, — ответил Федор Ильич. — Чтобы попасть в то Шахматово, надо было с Ленинградки не на Шахматово сворачивать, а на Тараканово и потом искать указатель на Боблово.

— Они в своем вообще уме?! — воскликнула Кира. — Кто это может догадаться, что вместо Шахматова надо сворачивать на какое-то никому не известное Тараканово?!

— Тараканово вообще-то тоже известное, — пожала плечами Александра. — Там Блок с Любой Менделеевой венчался.

— Ну и ищи свое Тараканово! — сердито сказала Кира. — Мы-то при чем? Целый день кружили, все почки отбили на ухабах, и без всякого результата!

— Кирка все делает только с полезной целью, — обернувшись к Сане, безмятежным тоном объяснила Сашка. — И от любого своего действия непременно ожидает результата.

— И, заметь, если я действую так, как сама считаю нужным, то мои ожидания никогда не оказываются напрасными, — уточнила Кира.

— Но вот сегодня оказались же! — засмеялась Сашка.

— Потому что сегодня я послушалась тебя!

— И прекрасно провела день.

Александра привыкла, чтобы последнее слово оставалось за ней. Кира тоже к этому привыкла, но ее железная самоуверенность все же проигрывала Сашкиному воздушному легкомыслию.

Люба видела Киру с Сашкой насквозь. Конечно,

она часто на них сердилась и привычно им завидовала, но от того, что она знала их как себя, притом знала всю жизнь, и они всю жизнь ее знали, — от этого ей было с ними так легко, как ни с кем другим никогда не бывало.

Но вот Федора Ильича она тоже ведь знала всю жизнь, однако вместо легкости испытывала в его присутствии только пугающий восторг и смятенное ожидание. Хотя чего ей вообще-то было ожидать от Федора Ильича? Только покровительства, ну так оно и так есть и всегда наличествовало в неизменном виде.

Люба вздохнула. Покровительство со стороны Федора Ильича ее категорически не устраивало.

Пока обсуждали, что делать с не тем Шахматовым и стоит ли искать то, все успели выбраться из машины.

— Едем в наше Шахматово, — решил Федор Ильич.

Видимо, он понял, что обсуждение затянулось и вот-вот приведет к тому, что горе-путешественники растворятся в лугах.

— Наше — это какое? — завелась было упрямая Кира. — То, где стройка?

— Кирка, не начинай, — тут же остановил ее Федор Ильич. — И от машины не удаляйся. Усаживайтесь, поехали к Блоку.

Кира снова села впереди, рядом с Царем, хотя для нее точно не имело значения, с ним она рядом или с кем-то другим. Даже не спросила — может, кто-нибудь другой вперед хочет! Хотя к чему пустые расспросы? Сашка пригласила Саню, значит, с ним и сядет рядом на заднем сиденье. А Любу и спрашивать не обязательно: не тот она человек, который прини-

мает решение, во всяком случае, если есть кому его принять, кроме нее, и к этому все тоже привыкли с детства.

Стоило Федору Ильичу сказать, чтобы все усаживались, и все сразу оказались на своих местах. Он-то как раз был тем человеком, который принимает решение при любом составе компании. Своих решений Царь никогда никому не навязывал, но все сами подчинялись ему с охотой; эта его способность была такой же данностью, как Сашкино обаяние.

Еще когда все они только в первый класс пошли, Любина мама говорила, что Федя Кузнецов будет крупным руководителем, и Люба была с ней согласна. Кем же еще ему быть и кому же быть крупным руководителем, если не ему? Когда он выбрал в МГУ математический факультет, все даже удивились, потому что было не очень понятно, чем может руководить математик, а по мужской линии все в семье Кузнецовых чем-нибудь руководили. Его отец был главным врачом Боткинской больницы, а прапрадед так даже экономическим министром при последнем царе или не министром, но кем-то вроде.

Должность прапрадеда в соединении с личными качествами Феди Кузнецова и породила прозвище Царь. И Федором Ильичом его называли тоже из-за особенных личных качеств. Вот этих самых, благодаря которым именно он сейчас решил, ехать им на поски Шахматова или возвращаться домой.

Сашка, затеявшая всю эту бестолковую поездку, тем временем болтала с Саней, сидящим на заднем сиденье между нею и Любой. Никаких угрызений со-

вести она при этом явно не испытывала; кто бы сомневался!

— И ты представь, что она мне заявляет вчера на вокзале? — особенно не прислушиваясь, все же слышала Люба. — Ты, говорит, Александра, ежедневно должна Бога благодарить за то, что он дал тебе голос. Каждое утро — лбом в пол и благодари. Потому что, говорит, на свете миллионы людей, которые и хотели бы как-то себя выразить, да им нечем, а тебе Бог дал, чем себя выражать, вот и благодари его по гроб жизни лбом об пол за две связочки у тебя в горле.

— Интересная теория, — заметил Саня.

— Я всегда знала, что Тамонникова сумасшедшая! — Сашкин смех сверкнул, как солнечные блики, прыгающие по сиденьям. — Неистовая прелесть. Я ее, конечно, люблю, но лоб у меня не для поклонов.

Скосив взгляд, Люба увидела темные веселые Сашкины глаза и затылок глядящего на нее кавалера.

Всех Сашкиных многочисленных поклонников именовала кавалерами Любина мама. Ей просто слово это нравилось, потому что любимой ее книгой была «Манон Леско» и любимым персонажем, соответственно, кавалер де Грие.

Когда Любе было четырнадцать лет и все связанное со взрослыми вообще и с мамой в частности вызывало у нее раздражение и злость, она поинтересовалась, читала ли та хоть одну книгу, кроме этой своей «Манон».

— Не читала, ну и что? — пожала плечами мама. — Я и не понимаю, зачем было другие писать, когда эта есть.

Очередной Сашкин кавалер отличался разве что

берущим за душу голосом. В остальном он выглядел точной копией прежних: смотрит на Сашку не отрываясь и соглашается со всеми глупостями, которые без малейших сомнений слетают с ее языка.

— Да и Богу вряд ли необходимо, чтобы ты об пол колотилась, — сказал он. И, повернувшись к Любе, спросил: — Ты бы стала лбом стучать, если бы у тебя голос был?

— Не стала бы, — ответила она. — Что, у меня от этого голоса прибавилось бы?

— Жаннетта у нас мыслит исключительно утилитарно, — засмеялась Сашка. — Но в отличие от Кирки цели у нее куда менее масштабные.

— Жаннетта? — удивился Саня. — Мне показалось, тебя как-то иначе зовут.

Хоть Сашкин кавалер и был Любе безразличен, но все-таки ее уязвило, что он даже имени ее не запомнил, хотя целый день, можно сказать, бок о бок с ней провел.

— Да, она Жаннетта, — с удовольствием повторила Сашка. — Два «н» и два «т».

Имя было Любиным проклятием. Мама назвала ее в соответствии со своими представлениями о прекрасном и, сообщая кому бы то ни было, как зовут ее дочку, всегда уточняла:

— Не Жанна, а Жаннетта. Два «н» и два «т».

Сашка впервые услышала это почти двадцать лет назад, когда они пошли в детский сад — до этого она была уверена, что Любу зовут Любой, — и с тех пор считала нужным объявлять ее настоящее имя всем, кто об этом просил и не просил. Сама Люба уж точно ее об этом не просила.